

УНЭН-ЦЗЫ

УНЭН-ЦЗЫ

Оглавление

Предисловие	4
СВИТОК ВЕРХНИЙ	6
Глава первая. ВИНА МУДРЕЦОВ	7
Глава вторая. ПРОЯСНЕНИЕ КОРНЯ	10
Глава третья. РАЗБОР МОРОКА	11
Глава четвёртая. БЕЗ ГОРЯ	12
Глава пятая и шестая. ДОЗНАНИЕ О ЛОЖНОМ	13
Главы седьмая, восьмая, девятая и десятая. ПОДЛИННОЕ СОВЕРШЕНСТВО СТВОВАНИЕ	15
СВИТОК СРЕДНИЙ	17
Глава первая. О ВЭНЬ-ВАНЕ	18
Глава вторая. О ШОУЯН-ЦЗЫ	20
Глава третья. О ЛАО-ЦЗЮНЕ	21
Главы четвёртая и пятая. О КОНФУЦИИ	22
Глава шестая. О ФАНЬ ЛИ	23
Глава седьмая. О СУН ЮЕ	24
Глава восьмая. ОБ ОТШЕЛЬНИКАХ С ГОРЫ ШАН	26
Глава девятая. О ЯНЬ ЛИНЕ	28
Глава десятая. О СУНЬ ДЭНЕ	30

СВИТОК НИЖНИЙ	31
Глава первая. ОТВЕТ ТУНУ	32
Глава вторая. ОТВЕТ ХУАЯН-ЦЗЫ	33
Глава третья. ОТВЕТ ЮЙЧЖУН-ЦЗЫ	34
Глава четвёртая. О РЫБАХ	35
Глава пятая. О ПТИЦЕ ЧЖЭНЬ	36
Главы шестая и седьмая. ОТВЕТЫ ЛУ	37
Главы с восьмой по десятую. ЗАПИСКИ ОБ УВИДЕННОМ	39
Главы с одиннадцатой по четырнадцатую. УКРЕПЛЕНИЕ КОРНЯ	41

Предисловие

Унэн-цзы был мне другом из тех, с кем забываешь о внешнем. Смолodu он много читал и мало желал, и умел доходить до предела в устройстве вещей, исчерпывать природу и через это выходить к судьбе.

Когда началась смута Хуан Чао, он бежал и скитался, нигде не задерживаясь надолго; холод и голод переносил ровно.

В третий год Гуанци, когда Сын Неба был в Бао, а по четырём сторонам ещё стояли войска, Унэн-цзы поселился в Цзофу, в простом доме семьи Цзин, чтобы его не было видно. Дом был убог, жил он вперемешку с прочими и держался со всеми ровно. Днём любил лежать, но не спал: ляжет — испишет лист-другой; поднимется — спрячет за пазуху и мне не покажет.

От дня жэнь-шэнь второго весеннего месяца до дня цзи-хай третьего набралось несколько десятков листов; он свернул их и убрал в мешок — похоже было, что он что-то написал. Я выкрал это.

Там оказались по большей части записи услышанного и виденного, иногда — разговоры с братьями и друзьями. Смысл всего сводится к тому, чтобы прояснить устройство того, что само собой, и дойти до предела в началах природы и судьбы. То, что само собой, ничего не делает; природа и судьба ничего не желают; оттого он оставляет в стороне ритуал с его наставлениями, а мирские дела выносит наружу.

Кто поймёт — поверит без объяснений. Кто не поймёт — разве удержится от обвинения?

Я разделил написанное на рубрики: всего тридцать четыре главы, сведённые в три свитка — верхний, средний и нижний, — и делюсь этим лишь с теми, кто понимает.

Как Унэн-цзы держится и что таит внутри, я знаю вполне; потому не называю ни имени его, ни того, где он служил.

СВИТОК ВЕРХНИЙ

Глава первая. ВИНА МУДРЕЦОВ

Когда небо и земля ещё не разделились, был смутный ком, единое ци. Единое ци переполнилось и разделилось надвое. Есть в нём чистое и мутное, есть лёгкое и тяжёлое. Лёгкое и чистое пошло вверх, стало ян и стало небом; тяжёлое и мутное пошло вниз, стало инь и стало землёй. Небо твёрдо и движется, земля податлива и покойна: таково ци само собой.

Небо и земля встали на свои места, ци инь и ци ян сошлись — и родились твари голые, чешуйчатые, шерстистые, пернатые и панцирные. Человек есть тварь голая, и он вместе с чешуйчатыми, шерстистыми и пернатыми. Рождены они небом и землёй одинаково, из встречи ци, и только; никакого различия нет.

Скажут: различие всё же есть. Не в том ли оно, что человек сам объявляет себя отличным от чешуйчатых, пернатых, шерстистых и панцирных? И не в том ли, что он умеет рассуждать и говорить?

Но от птиц и зверей до последней ползучей мелочи все любят жизнь и уходят от смерти, устраивают себе гнёзда и норы, добывают себе питьё и корм, рожают и выкармливают своих и охраняют их. И человек так же любит жизнь и уходит от смерти, устраивает себе дома, добывает себе одежду и пищу, рожает и выкармливает своих сыновей и дочерей, считает их своими и особо о них печётся. Различия нет никакого. Как же сказать, что твари не рассуждают?

От птиц и зверей до последней ползучей мелочи все кричат, свистят, щёлкают и трещат, и у каждого свой звук. Откуда знать, что внутри их рода это не речь? Человек не понимает их звука и оттого говорит, что они не умеют говорить. А откуда знать, что птицы и звери, не понимая человеческого звука, не говорят точно так же — что человек говорить не умеет? Стало быть, их крик, свист, щёлканье и треск и есть речь. Как же сказать, что они не умеют говорить?

В рассуждении и в речи человек и тварь одно. Различаются они только телом. Но и внутри чешуйчатых, шерстистых, пернатых и панцирных тела бывают несхожи — разве только с человеческим они несхожи? И среди людей есть тела схожие, но разные, и разные, но схожие, — разве только с телами четырёх родов тварей они различны?

Увы! Небо и земля — всего лишь громадные вещи внутри ци инь и ян. Пять родов живого — голые, чешуйчатые, пернатые, шерстистые, панцирные — сложились из ци, смешанного этими громадными вещами, и сами суть вещи внутри громадных вещей; так реки и моря содержат в себе рыб и черепах, так горы и холмы вмещают траву и деревья.

Оттого в глубокой древности голые твари жили вперемешку с чешуйчатыми, шерстистыми и пернатыми. Самцы и самки сходились сами собой, и не было ни различия мужа и жены, ни порядка отца, сына и братьев. Летом в гнёздах, зимой в норах — никакого устройства жилищ. Ели сырое мясо и пили кровь — никакой

пищи из ста злаков. Рождённое само бежало, умершее само падало — не было мысли отнять и повредить, не было обряда закапывать. Предоставленные самим себе, они исполняли свою небесную подлинность, и надзора над ними не было никакого. Смутно и просто. Таков был порядок, и держался он долго.

И вдруг среди голых тварей завелись такие, у кого рассуждение разрослось. Их называли людьми.

Законом они ограничили чешуйчатых, шерстистых и пернатых. Они научили друг друга сеять, чтобы кормиться ста злаками, — и появилось употребление сохи. Они связали дерево и смешали глину, чтобы строить дома, — и появилась работа топором. Они завели свадьбу, чтобы разделить самцов и самок, — и появилось различие мужа и жены и порядок отца, сына и братьев. Они сделали гробы и саваны, чтобы зарывать мёртвых, — и появился похоронный обряд. Они сплели силки, тенёта и сети, чтобы ловить чешуйчатых, шерстистых и пернатых, — и появился вкус ножа и доски.

Смутная цельность от этого рассеялась; пробудились чувства и замыслы.

Но каждый пока был силён или слаб сам по себе, и власти над этим не было. Тогда те же, у кого рассуждение разрослось, пошли дальше: выбрали среди себя одного, чтобы он управлял многими. Одного называли государем, многих называли слугами. Один может распоряжаться многими; многие не смеют переступить через одного. Так появилось деление на государя и слугу и ступени высокого и низкого: высокий возвышен, прочие поставлены в общий ряд.

В позднейшие времена завели ранги и жалованья, чтобы этих многих поднимать и опускать. Так появились ступени знатности и низости — в том, какими вещами дозволено пользоваться; и разряды богатства и бедности — в том, получает ли человек желаемое. И тогда тех, у кого рассуждение разрослось, стали называть мудрецами.

А затем низкий позавидовал знатному, бедный позавидовал богатому, и в людях родилось соперничество.

Те, кого называют мудрецами, встревожились и стали совещаться между собой:

«Прежде они были смутны и просты — кто называл их людьми? Мы силком называли их людьми, и человек отделился от твари. Прежде не было ни низкого, ни высокого — кто говорил о государе и слуге? Мы силком это установили: вот государь, вот слуга. Прежде не было ни присвоения, ни желания — что такое ранг и жалованье? Мы силком их расставили: вот честь, вот позор. Теперь подлинная простота разбавлена, влечения загустели, и внутри завелось соперничество. Соперничество ведёт к отнятию, отнятие ведёт к смуте. Что тут делать?»

Тот, у кого рассуждение разрослось сильнее прочих, сказал: «У меня есть приём».

И тогда установили учение о человечности, долге, верности и доверии и уложение обрядов и музыки, чтобы этим людей стеснить. Государь мучает слугу — это зовётся жестокостью; слуга посягает на государя — это зовётся мятежом. Отец не любит сына — это нелюбовь; сын не чтит отца — это непочтительность. Братья не ладят — это невнимание и непочтение к старшему. Муж и жена не заодно — это неверность и нелад. Кто так делает — тот неправ; кто так не делает — тот прав. Прав — значит честь; неправ — значит позор. И тогда родилось желание правоты и стыд неправоты, а соперничество было придавлено.

В следующих поколениях влечения разгорелись сильнее, и люди отвернулись от человечности, долга, верности и доверия, перешагнули обряды и музыку и стали соперничать снова.

Те, кого называют мудрецами, о том пожалели и, не найдя иного выхода, завели наказания и войско, чтобы всех держать: малое — наказанием, большое — войском.

И тогда путы, колодки, батоги и ссылка наполнили страну; секиры, копья, алебарды и стрелы наполнили Поднебесную; беда разорённых семей и павших царств потянулась без разрыва; горе живущих — нищета и ранняя смерть — потекло без остановки.

Увы! Тварями называются; людьми называют.

Силком поставили дома и еду, чтобы разжечь в них желание. Силком разделили знатных и простых, высших и низших, чтобы разжечь в них соперничество. Силком сделали человечность, долг, обряды и музыку, чтобы опрокинуть в них подлинное. Силком пустили в ход наказания и походы, чтобы губить в них жизнь. Заставили гнаться за ветвями и забыть корень; спутали их чувства, подрубили их жизненный ход; и одурманенные, один за другим, гибнут, и от древности доныне возврата нет.

Это вина тех, кого называют мудрецами.

Глава вторая. ПРОЯСНЕНИЕ КОРНЯ

То, что зовётся корнем, — недеяние, то есть деяние сердца; телесная оболочка на него опирается и оттого стоит.

Его действие постоянно и не истощается. Как огонь: им можно жечь, и жара у него не отнять. Как вода: ею можно орошать, и влаги у неё не отнять.

Возьмёшь его, но своим не сделаешь; сокроешь его, но в небытие не обратишь.

Приведи его в движение — и оно различит очертание осеннего волоска и расслышит писк комара и мошки. Оставь его в покое — и оно не увидит холмов и гор, не услышит грома.

Расширь его — и оно вместит небо и землю. Утончи — и оно уместится в брови и реснице.

Смутное и зыбкое — не приходит и не уходит. Неслышное и незримое — не полнится и не убывает.

Чао-фу и Сюй Ю укрылись, Дунъюань и Цили ушли: они сосредоточились на своём корне и совершенствовались только себя. Яо передал Шуню, Шунь передал Юю, Юй передал Ци, Тан изгнал Цзе, царь У пошёл на Чжоу: они изготовились и принялись спасать всех существ.

Кому это ясно — тот, когда время укрыться, укрывается; когда время действовать, действует; отзывается вещам и берётся за дела, все вмещает, ничем не связан. Кому это неясно — тот гонится за влечениями, идёт вслед за ухом и глазом, целыми днями пускает корень в ход невпопад, и не узнаёт, и не ведаёт.

Кто сумеет светить светом, который ни на чём не останавливается, и вверить себя ладу, что складывается сам, — для того безымянное первоначало проступит там, где смотреть не на что.

Глава третья. РАЗБОР МОРОКА

Естество есть шэнь, жизненный ход есть ци. В пустоте естество и жизненный ход требуют друг друга, и сами собой друг друга рождают. Как глиняный сюнь и бамбуковый чи отзываются друг другу, как инь и ян между собою ладят.

Телесная форма вмещает естество и жизненный ход. Так огонь бывает в хворосте: хворост без огня не пылает, огонь без хвороста не светит. Так и форма без естества и жизненного хода не стоит, а естество и жизненный ход формой только и показываются.

Естество и жизненный ход сами собой текучи и рождают; телесная форма сама собой задерживается и отмирает. То, что само собой рождается, даже в покое не перестаёт жить; то, что само собой отмирает, даже в движении не перестаёт умирать.

А нынче все любят жизнь и ненавидят смерть, а не знают, как устроены жизнь и смерть. Увидев того, кто лежит не двигаясь, горюют; заставляют непрерывно возникающую жизнь служить сохранению непрерывно распадающейся формы. И чем крепче держатся за мёртвое, тем дальше от них живое.

Это всё равно что топить перо и пускать вплавь камень. До чего же силён морок.

Глава четвёртая. БЕЗ ГОРЯ

Всего сильнее люди ненавидят смерть, то есть то, что телесная форма ложится и перестаёт двигаться. Но телесная форма, кровь и плоть, уши и глаза пустыми и чуткими быть не могут; одни они ещё не составляют живого.

Поэтому незачем ждать, пока она ляжет неподвижно, чтобы назвать это смертью. Даже когда она движется и идёт, телесная форма в своей основе уже отмирает. Двигается же и идёт она лишь благодаря непрерывности живого, на которой держится; не телесная форма движет себя сама.

Раз телесная форма отмирает в своей основе, она не начинает умирать только теперь. А если она не начинает умирать теперь, то смерти как отдельного события нет.

Смерть — то, что люди ненавидят сильнее всего. Но если нет отдельной смерти, которую можно ненавидеть, то что же вне телесной формы способно замутить мой совершенный лад?

Глава пятая и шестая. ДОЗНАНИЕ О ЛОЖНОМ

За чем в Поднебесной гонятся все и не знают, где остановиться, так это за богатством со знатностью да добрым именем, вот и всё.

То, что называют богатством и знатностью, есть лишь достаток в вещах. Высший предел богатства и знатности: в великом государь, в меньшем князь. Разве не оттого зовут его государем, что на нём драконье облачение и корона с подвесками, что живёт он среди дворцов и башен, что над ним поднят перьевого балдахин и криком расчищают перед ним путь? Разве не оттого зовут его князем, что он носит шапку с заколкой и лентами, что вокруг шумят повозки и кони, что при нём штандарты и знамёна, топор и секира?

А убери с него и вокруг него облачение и корону, дворцы и башни, балдахин и окрик, шапку с лентами, повозки и коней, топор и секиру, и где тогда государь, где князь? Ведь всё это вещи. Вещей вдоволь — богатство со знатностью; богатство со знатностью — государь с князем. Оттого и сказано: богатство и знатность есть лишь достаток в вещах.

Вещи ведь делают люди. Сами их делают, а достаются они тем, кто их не делал. И вот тех, у кого вещей вдоволь, считают богатыми и знатными, а тех, у кого вещей нет, бедными и низкими. Оттого богатству со знатностью радуются, бедности с низостью стыдятся, а кто этой радости не получил, тот не останавливается ни перед чем. От древности донныне бодрствуют, а не просыпаются. Могуча же сила вещей!

А то, что называют добрым именем, не на это ли похоже: дома почтителен, служа высшим, верен, с друзьями надёжен, перед деньгами чист, дарованиями полон, умениями богат? Всё это те, кого называют мудрецами, вознесли, чтобы стеснить простаков.

Но то, на что надевают доброе имя, есть лишь человеческая телесная форма. Нет телесной формы — и простор, как в великой пустоте, и ни хуле, ни хвале не к чему пристать. А телесная форма есть мешок для крови и повозка для осадка: утром сошлась, вечером распалась. При чём тут доброе имя?

Ныне люди один за другим утрачивают прямоту своего естества и гонятся за добрым именем, доходя до лжи, притворства и крайностей. Отчего же? Оттого, что те, кого называют мудрецами, сбили их с пути.

Во все времена люди зовут близкими своих по крови, и оттого чувство сосредоточивается на своих. Сойдутся — радуются друг другу; разойдутся — тоскуют; заболит кто — тревожатся; умрёт — плачут. А ведь люди Поднебесной и мои близкие одинаковы: руки и ноги, живот и спина, уши, глаза, рот и нос, голова, шея, брови и волосы. Чем же различить другого и себя? Различие между «другим» и «мною» держится

лишь на именах. Далеки мы от людей Поднебесной единственно оттого, что с ними не свыклись; близки к близким единственно оттого, что свыклись.

Увы! Руки и ноги, живот и спина, уши, глаза, рот и нос, голова, шея, брови и волосы — пусть всякий разберёт их порознь и поищет то, что зовёт своим телом: не найдёт ничего. Кто тогда свои? Кто тогда люди Поднебесной? Всё это взято из имён и наставлено силком. Назови людей Поднебесной теми именами, какими зовёшь своих, — и все они станут своими. Свыкнись с людьми Поднебесной так, как свыкся со своими, — и все они станут своими. К чему же тогда чувству сосредоточиваться на своих?

Кто не замыкает почтение и заботу на ком-то одном, тот почтителен и заботлив ко всей Поднебесной; кто замыкает, тот почтителен и заботлив к одной семье. Пока почтение и забота в семье держатся, ими же друг друга и мучают, и оборачиваются они обузой. А иссякнут — останется притворство; а от притворства между отцом и сыном, между братьями заведутся обиды.

Чжуан-цзы сказал: чем рыбам оказаться вместе на суше и увлажнять друг друга слюной, лучше им забыть друг друга в реках и озёрах. Верное слово! Рыбы забывают друг друга в реках и озёрах, люди — там, где всё делается само; и тем и другим хорошо. Оттого проникательный и не сосредоточивает чувство на своих.

Главы седьмая, восьмая, девятая и десятая. ПОДЛИННОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

1

Весы и зеркало — вещи, и сделаны они людьми. Люди сами их делают, а потом сами же спрашивают у весов о тяжести, у зеркала о красоте и безобразии. Отчего так? Оттого, что у весов нет сердца — и потому они ровны; у зеркала нет сердца — и потому оно ясно.

Раз уж вещи без сердца и ровны и ясны, то человеку, у которого сердце есть, надо точить его ничем, отстаивать пустотой, пропитаться неслышным и незримым насквозь и не знать, куда идёшь. И вижу я такого человека: вместе с небом и землёй он не имеет предела, погружён в светлое ци и не устаёт, и никто в Поднебесной не может с ним тягаться.

2

Естество воды таково: запрудишь — отстоится; дашь выход — потечёт; поднимешь в облака — прольётся дождём; опустишь в землю — напитает. Станет реками и морем — не гонится за своей громадностью; окажется в яме или впадине — не стыдится своей малости; разойдётся на сотню потоков — не устанет; принесёт пользу тьме вещей — не откажется. Это и есть предельно мягкое.

Оттого Лао Дань и сказал: мягкое и слабое одолевает твёрдое и сильное. Стало быть, кто держит в себе шэнь и воплощает пустоту, кто сосредоточивает ци и доходит до мягкости, — тот и достиг первоначала, откуда всё делается само.

3

Вода течёт к сырому, огонь идёт к сухому, облака идут за драконом, ветер за тигром — так само собой отзывается одно на другое. Оттого и шэнь окликает ци, а ци идёт за шэнь — точно так же. Кто знает, как одно другому отзывается само собой, и, держась тёмного лона, возвращается к корню, тот почти развязан.

4

Птица летает в воздухе, рыба плавает в глубине — это не приём, это делается само собою. Оттого и птица и рыба сами не знают, что умеют летать и плавать. Стоит им это осознать и поставить себе целью летать и плавать, как птица непременно упадёт, а рыба непременно утонет.

То же и у человека: ноги бегут, руки хватают, уши слышат, глаза видят, и учиться этому не надо. В самый миг бега, хватания, слушания и гляденья отклик на случай приходит сам и не ждёт мысли, чтобы осуществиться. Если же сперва приходится подумать и лишь затем действовать, человек устаёт.

Оттого кто даёт всему идти само собой, того хватает надолго; кто обрёл постоянное, у того ладится. Сердце само по себе просторно и пусто. Ныне люди рукам и ногам, ушам и глазам дают самим бегать, хватать, слышать и видеть; сердцу же не дают идти своим ходом и мутят его. Трудно тогда сердцу быть в совершенном ладу и чутко, без помех, отзываться.

СВИТОК СРЕДНИЙ

Глава первая. О ВЭНЬ-ВАНЕ

Люй Ван удил на берегу реки Вэй. Си-бо, владетель Запада, собрался на охоту и погадал о ней; гадальное речение гласило: «Ни чёрного медведя, ни бурого — небо посылает тебе наставника». И вправду на охоте он нашёл Вана. Си-бо отвесил ему двойной поклон. Затем ещё и ещё. Ван не переставал удить, а Си-бо не переставал кланяться.

Ван, развалясь, засмеялся и сказал:

— Ты зачем пришёл?

Си-бо сказал:

— Правление Инь пошло прахом, народ в горечи. Я, малый человек, хочу его спасти и потому ищу достойного мужа.

Ван сказал:

— Правление Инь само пошло прахом, народ сам в горечи. Тебе-то что до этого? И зачем меня в это втравливаешь?

Си-бо сказал:

— Разве мудрец прячет свои способности, чтобы совершенствовать себя одного, а не исчерпывает свой разум, чтобы спасти всю тьму вещей без изъятия?

Ван сказал:

— Человек вместе с птицами, зверями и насекомыми плавает посреди неба и земли — и всё это одно ци, только и всего. Так и стены и дома по всей Поднебесной стоят посреди пустоты. Разрушь все стены и дома — истинная пустота как была пуста, так и останется; перебей всех людей, и птиц, и зверей, и насекомых — единое ци как было ци, так и останется. Как же может правление Инь пойти прахом? И почему это народ в горечи?

И всё же: раз стены и дома выстроены, рушить их незачем; раз народ обрёл облик, убивать его незачем. Спасу.

И согласился сесть с Си-бо в одну повозку и ехать к нему.

Приближённые Си-бо, Тай Дянь и Хун Яо, сказали ему наедине:

— Гун Лю и Хоу Цзи накапливали дэ и заслуги, и всё это дошло до тебя, государь; в тебе наследие предков достигло полноты. Ныне Поднебесная поделена натрое, и две части твои, — это ли не величие? А Люй Ван всего лишь рыбак. К чему государю унижаться перед ним так низко?

Си-бо сказал:

— Дэ недеяния объемлет небо и землю; дэ деяния раскрывает отдельные вещи и завершает частные дела. Сюань-юань и Яо, будучи сынами Неба, действовали посредством дэ деяния: Сюань-юань явился к отшельнику Гуанчэн-цзы на гору Кунтун, Яо постучался к Сюй Ю на Цишань, но ни один не удостоился даже единого взгляда. Моё дэ не достигает дэ Сюань-юаня и Яо. Как же мне принижать дэ недеяния?

Тай Дянь и Хун Яо сказали:

— По твоим словам, государь, у Вана и впрямь дэ недеяния. Почему же тогда он следует за твоим деянием?

Си-бо сказал:

— Небо и земля не действуют, а солнце, луна и звёзды ходят днём и ночью, дождь и роса, иней и снег выпадают осенью и зимой, реки текут без остановки, травы и деревья растут без перерыва. Потому недеяние не застаивается. Если же застрянешь в деянии, недействовать уже не сможешь.

Дошёл этот разговор и до Люй Вана. Он понял, что Си-бо и вправду заботится о народе, а не ищет получить Поднебесную у Инь, — и в конце концов вместе с ним возвысил Чжоу.

Глава вторая. О ШОУЯН-ЦЗЫ

Вэнь-ван умер, и У-ван пошёл на Чжоу Синя, последнего государя Инь, и уничтожил его. Бо И и Шу Ци, два брата, схватили его коня под уздцы и стали возражать:

— Отец умер и ещё не погребён, а ты затеваешь большое дело и поднимаешь войско: это не почтительность. Подданный убивает государя: это не верность.

Приближённые хотели их зарубить, но У-ван счёл их справедливыми и отпустил. Бо И и Шу Ци после этого ушли и укрылись на горе Шоуян, и прозвали их Шоуян-цзы.

Когда Поднебесная жила как живётся, государя и подданного в ней не различали. Государя и подданного завели, чтобы разделить высокого и низкого: те, кого называют мудрецами, обманули простаков своим умом. А обманывать умом — это и есть произвол. Мы с вами об этом уже говорили.

Произвольно установили государя и подданного; произвольно получила имя династия Инь, а в Инь государем называли Синя. Насилием и жестокостью он насыщал свои произвольные желания. Но и Цзи Фа — так звали У-вана — выступил из желания. Где желание ведёт, там произвол. Это и называется: произволом отнимать произвольное.

При недеянии человек прост и прям и сходится с небесным строем: какие там отец и сын, государь и подданный? При деянии заводятся влечения и путают человеку естество: какая разница между почтительным и непочтительным, верным и неверным?

Теперь вы сочли ложным то, что я вам говорил, и с произвольными речами бросились наперерез его произвольному походу — это погоня за славой справедливых. Костями, которым непременно истлеть, идти навстречу пустой славе — всё равно что ловить пламя ветром. Что Цзи Фа вас не зарубил — удача. А зарубил бы, и вы получили бы славу справедливых: что с того истлевшим костям?

Дракон, обнажив чешую, и феникс, раскрыв крылья, непременно становятся для рыбака и птицелова обычной добычей. Увы! Похоже, вы не мои друзья.

После этого И и Ци бежали на гору Шоуян, и никто не знает, чем они кончили. Позднейшие люди считали, что они умерли с голоду.

Глава третья. О ЛАО-ЦЗЮНЕ

Конфуций установил обряды и музыку, разъяснил старые уложения, отобрал «Песни» и «Предания», привёл в порядок летопись «Вёсны и осени» — чтобы выправить строй человеческих связей и пресечь помыслы мятежных слуг и негодных сыновей. С этим он пришёл к Лао Даню.

Лао Дань сказал:

— Управлять большим царством — что готовить мелкую рыбу: станешь мять её на доске под ножом, и она расползётся. С давних пор мудрецы создавали отдельные вещи и заводили частные дела, приманивая и расшевеливая человеческие чувства. И без счёта стало тех, у кого чувства перестали идти сами собой, а естество и жизненный ход оборвались до срока. А ты теперь ещё и расписываешь это узорами — и чувств от этого делается только больше. Чувств много — люди устают; устанут — начнут обманывать; станут обманывать — и смуты только прибавится. Это и называется рубить небесную подлинность и кичиться собой. Беда от неба непременно придёт.

Конфуций испугался, но остановиться уже не смог. Потом в Вэй его выгнали, затерев за ним следы; в Сун срубили дерево, под которым он занимался с учениками; между Чэнь и Цай он голодал; в Куане его обложили. Он метался в тревоге и спешке и едва уцелел.

Конфуций обернулся к своему ученику Янь Хою и сказал:

— Не об этом ли говорил Лао Дань?

Главы четвёртая и пятая. О КОНФУЦИИ

1

Конфуция обложили в Куане, и семь дней он не переставал играть и петь. Его ученик Цзы Лу сказал:

— Ю слышал, что благородный муж ограждает себя со всех сторон и оттого не знает внезапной беды. Учитель — мудрец, а между тем голодал в Чэнь и обложен в Куане. Как это? И при этом учитель не перестаёт играть и петь, и тревоги на лице нет. Есть тут какой-то приём?

Конфуций сказал:

— Ю, подойди, скажу. Правильное и неправильное — это ярлыки, которые вешают люди. Везение и невезение — как кому отмерено. Есть путь или нет пути — зависит от времени. Даже у солнца и луны бывают затмения — и даже самые умные мудрецы не в силах изменить, кому густо, кому пусто, кому шанс, кому неудача. Благородный муж может быть человечен к людям — заставить людей быть человечными к себе он не может; я могу быть справедлив к людям — заставить их быть справедливыми ко мне не могу. Осада в Куане — не вина Цю; но и снять её Цю не в силах. Впрочем, обложить можно одну телесную форму Цю. Цю сейчас смутно бесформен в текучей пустоте, погружён без пристрастия в тёмную глубь и не знает, о чём тут тревожиться; оттого только и оказался в ладу со струнами и пением.

Вскоре жители Куана сняли осаду.

2

Юань Сянь, ученик Конфуция, жил в бедном переулке. Цзы Гун, бывший тогда советником в Лу и Вэй, подъехал к нему с конной свитой и четвёрками в упряжи. Сянь запахнул на себе ветхую одежду. Цзы Гун сказал:

— Учитель, ты болен?

Сянь сказал:

— Сянь слышал: когда не работают над дэ и справедливостью — это называют болезнью; когда нет имущества — это называют бедностью. Сянь беден, а не болен.

Цзы Гун устыдился своих слов и до конца жизни не решался снова показаться Сяню.

Чжун-ни — так звали Конфуция по второму имени — услышал об этом и сказал:

— Цзы Гун промахнулся словом. Кто связан внешней формой, тот не пуст; кто что-то удерживает в сердце, тот не прост. Не пуст — и мысль его неясна; не прост — и сердце его непрямо. Цзы Гун близок к гордыне и желанию, Сянь — к жёсткой чистоте. Назови одного мутным, другого чистым: далеко ли они разошлись?

Глава шестая. О ФАНЬ ЛИ

Фань Ли помог юэскому царю Гоу Цзяню уничтожить царство У и убить его правителя Фу Ча. Он сказал сановнику Чжуну наедине:

— Я слышал: кто тайно злоумышляет против людей, к тому беда непременно вернётся. Гибель столицы У и смерть Фу Ча — от нашего с тобой тайного умысла. А нрав нашего государя таков: с ним хорошо в беде, а в удаче он тебя не потерпит. И ещё: дело сделано, имя добыто — отойди; таков небесный строй. Я ухожу. Пойдёшь со мной?

Сановник Чжун сказал:

— Небо и земля поступают с тьмой вещей так: весной родят, зимой умерщвляют. Разве за зимнее умерщвление беда возвращается к небу и земле? Я слышал: мудрец ценит не то, чтобы совершенствовать себя одного, а то, чтобы устранять вред и доводить вещи до полноты. А если от этого всё встало на место, то устранять вред можно. Так и Жёлтый владыка убил Чи Ю, и Шунь избавился от четырёх злодеев. Мы нынче устранили смуту в У и вывели Юэ в главенство — это тоже значит доводить вещи и устранять вред. Какая же беда ко мне вернётся? Тем более что государь благодарен нам с тобой за уничтожение У и, конечно, будет с нами до конца. Не спеши уходить.

Фань Ли сказал:

— Не так. У неба и земли нет сердца; они и собою-то не распоряжаются, где уж им распоряжаться вещами. Небо и земля сами по себе небо и земля, тьма вещей сама по себе тьма вещей: весной от тепла они рождаются сами, зимой от холода сами умирают, — не небо с землёй делают их такими. У мудреца сердце есть, но в деле он воплощает небо и землю. У неба и земли сердца нет, но что-то тронется — они отзываются; подступит дело — идут с ним; минует дело — поворачивают вспять. Устраняя вред и доводя вещи, они не питают ни ненависти, ни любви; оттого вред устранён — а беды нет, вещи сложились — а награды нет.

А государь дал нам с тобой жалованье из ненависти к У, чтобы купить наш план; мы же с тобой, польстившись на это жалованье, злоумышляли против У, зачли истребление людей за службу и тем отплатили тому, кто нам платил. Это людская подлость. Сравнивать это с тем, как небо и земля родят и умерщвляют, или с тем, как мудрец устраняет вред и доводит вещи, — не обман ли?

Сановнику Чжуну это не понравилось; он засомневался, но уйти так и не решился. Фань Ли в конце концов простился с Гоу Цзянем и уплыл на лодке по Пяти озёрам. А вскоре в Юэ Чжуна убили.

Глава седьмая. О СУН ЮЕ

Цюй Юань служил в Чу смотрителем трёх царских родов. У чуского Сян-вана не было дэ, в милости у него ходил льстец Цзинь Шан, и в царстве был непорядок. Цюй Юань этим тревожился, увещевал Сян-вана и просил прогнать Цзинь Шана. Царь не послушал. Тогда Юань стал увещевать ещё настойчивее.

Его ученик Сун Юй пробовал его остановить:

— Сердце благородного мужа таково: он занят собой и не ищет вины в других; что он умеет — держит в тени и перед людьми не блещет. Придёт время — откликается; подойдёт дело — делает. Откликается времени, а не себе выгадывает; делает дело, а заслуги не ищет. Оттого добро его не к кому отнести, а обиде не на ком собраться. А государь сейчас ослеплён льстивыми речами и упоён беспорядком, и все в Чу тянутся к знатности Цзинь Шана и вторят ему эхом. Ты же один среди них выпячиваешь свою верность и честность и кричишь. Слов твоих не слушают, в царстве непорядок, а вышло одно: стало видно, что они неправы, а ты прав. Так наживают врагов и вылавливают беду.

Юань сказал:

— Я слышал: благородный муж дома почиттелен к родителям и к старшим, на службе верен и честен. Останется при своём — и мёртвый жив; не останется — и живой мёртв.

Увещевать он не перестал. Цзинь Шан затаил на него обиду, оговорил перед царём, и Юаня изгнали. Юань бродил по берегу реки Сян, пел и горевал.

Сун Юй снова стал ему объяснять:

— Раньше ты один среди льстецов выпячивал верность и честность и кричал; я боялся за тебя и давно тебе это сказал, а ты не послушал. О чём же теперь горевать? Или ты о чине с жалованьем думаешь, о землях царства?

Юань сказал:

— Нет. Горюю, что верность и честность никому не нужны и что в Чу непорядок.

Юй сказал:

— Ты же сам говорил, что умрёшь за почиттельность и верность. О чём тогда горевать? И потом: даже над своим лицом и телесной формой ты не властен. Красивое не сделаешь безобразным, безобразное красивым; длинное коротким, короткое длинным; крепкое хилым, хилое крепким; болезнь не отгонишь, смерть не удержишь. Телесная форма вроде бы моя, но я не владею ей. С одним телом и то так, а ты хочешь, чтобы целое царство чусцев от тебя приходило в порядок или в расстройство. Велик же твой морок.

Благородный муж держится в мире, поместившись в тело, и откликается вещам пустым сердцем. Ни кривого, ни прямого; ни правого, ни неправого; ни доброго, ни злого; ни заслуги, ни вины. Пусто в сердце — и на Цзе, Чжоу, Цяо и Чжи нет вины; держишь что-то в сердце — и у Яо, Шуня, Куя и Се нет заслуги. Кто же тогда разберёт,

где правота: в твоей верности или в криводушии Цзинь Шана? Не разбирать — и верность с криводушием одно и то же. А станешь разбирать — разница будет, но она твоя: ты её и сделал.

А ты перестал быть просто собой. Ты разделил: вот верный, вот криводушный, — сам встал по одну сторону, его поставил по другую и стал требовать, чтобы его убрали. А всё основание тому было одно: что так решил ты сам. Но кто ты теперь без него? Верный — это ведь только по сравнению с ним. Царю и не пришлось тебя изгонять: ты вычеркнул себя сам, ещё когда проводил эту черту.

Верность свою ты получил сполна: за неё тебя и выгнали, лучше не докажешь. И всё равно горюешь и остановиться не можешь. Значит, и того, что ты сам выбрал, у тебя нет.

Я слышал: высшее — постичь меру, среднее — держать меру, низшее — меру потерять. Опустошить сердце и держаться подальше от деяния — это постичь. Держать что-то в сердце и разбирать, где правда и где неправда, — это держать. Добиться того, ради чего разбирал, и всё-таки горевать и мутить себя — это потерять.

Юань не постиг — и утопился в реке Мило.

Глава восьмая. ОБ ОТШЕЛЬНИКАХ С ГОРЫ ШАН

Ханьский Гао-цзу был без ума от наложницы Ци и хотел отнять наследство у старшего сына Ина и отдать её сыну, чжаоскому князю Жу-и; сановники возразить не смогли. Императрица Люй, мать Ина, поняла, что дело плохо, и стала совещаться с Чжан Ляном, лююским хоу.

Чжан Лян сказал:

— Сперва нужны необыкновенные люди, и только тогда делается необыкновенное дело. Я слышал, что в горах Шан живут четверо: Ся Хуан, Лу Ли, Дунъюань и Ци Ли-цзи. Государь их к себе звал, и они не пошли — тем и известны. А если наследник по-настоящему себя умалит и попросит их, они придут. Придут и будут при наследнике не на службе, а как гости, — вот и хорошая подмога.

Императрица сделала по совету Чжан Ляна и послала за ними своего брата Люй Цзэ.

Старцы сперва сочли это для себя постыдным, а потом сказали друг другу:

— Лю Цзи человек широкой души и цену нам знает. Звал — мы не пошли, он сам смутился, и на том всё кончилось. А Люй Чжи — женщина, и жестокая. Если её Ин не станет наследником, ей беда; вот она к нам и кинулась, на нас теперь и держится, спастись ей или пропасть. Откажем — она нам это припомнит. Так что пока лучше согласиться.

Они приехали. Потом однажды пошли с наследником во дворец. Гао-цзу увидел их и спросил, что это за люди. Все назвали себя, и государь опешил:

— Я вас звал, вы не пошли. Почему же вы пришли, когда позвал наследник?

Старцы сказали:

— Ваше величество обращается с людьми свысока, а мы себя блюдём и унижения не терпим. Наследник людей уважает — вот мы у него и в гостях.

Государь перед ними извинился и, указав на них, сказал наложнице Ци:

— Наследник уже повзрослел, его не отодвинуть.

Императрица Люй была им благодарна и собралась пожаловать им высокие титулы. Старцы сказали друг другу:

— Мы пришли, чтобы отвести от себя беду, а не потому, что хотели. Станет Ин наследником — Жу-и низложат; возьмёт своё Люй Чжи — Ци убьют. А мы со страху вывели одного и погубили другого, порадовали Люй Чжи и обрекли Ци. Это называется — погубить людей, чтобы уцелеть самим. Бывает, что человек кладёт жизнь ради других; у нас вышло наоборот. А теперь ещё стерпеть срам и взять титул из женских рук, чтобы стоять при дворе, — чем мы лучше вора, который ночью залез в дом, взял золото и хвалится награбленным?

И вернулись в горы Шан. Императрица Люй удержать их не смогла.

Чжан Лян тоже всё понял: стал наблюдать за дыханием, перестал есть злаки и удалился от дел.

Глава девятая. О ЯНЬ ЛИНЕ

Гуан-у, пока был ещё никем, дружил с Янь Лином: оба тогда ходили в холщовом. А когда он взошёл на престол, Лин как раз ловил рыбу на отмели у реки Фучунь. Гуан-у вспомнил старое, оценил его достоинства и сам поехал звать его на службу. Лин не пошёл.

Гуан-у сказал:

— Мы с тобой друзья. Я теперь вознесён до Сына Неба, а ты всё ловишь рыбу; мне за тебя стыдно. У меня есть чины и титулы, чтобы сделать тебя знатным, золото и яшма, чтобы сделать тебя богатым, — и ты станешь выше тысяч и тысяч людей. Шевельнёшься — сдвинутся горы; крикнешь — поднимутся тучи и дождь. Прославишь предков, возвысишь род; титулы гуна и хоу пойдут в нём один за другим. Покои в красном лаке, повозок и коней не протолкнуться, платье нарядное, стол изысканный, колокола и барабаны, песни и пляски. Всю жизнь в радости, а имя на десять тысяч поколений. Никакого сравнения с тем, чтобы целыми днями болтать наживкой и сгинуть безвестным. Поедем со мной.

Лин засмеялся:

— Когда мы с тобой познакомились, ты жил тем, что тебе было важно, и не тяготился ни бедностью, ни низким положением — казалось, в тебе что-то есть. А теперь ты кичишься и сам себя морочишь. Живёшь выдумкой.

Мир внутри четырёх морей издревле считают огромным. А раздели его на десять частей: половину займут горы, реки и моря, ещё три — чужие народы, и на Срединное царство останется часть-другая, не больше. Да и в них не прекращаются мятежи, набеги, походы и войны. А знатность Сына Неба — это когда человек сам себя возвеличил внутри этой одной части из десяти, да ещё посреди войны.

То, что зовут знатностью и величием, — не более чем в этой части давать волю своей радости и гневу и одному распоряжаться жизнью и смертью. Не более чем выбирать лес и землю, чтобы строить дворцы пошире; свозить шелка и драгоценности, чтобы выезды и платье были побогаче; резать быков и баранов, сеять хлеб, чтобы вкуснее было есть; набирать во дворец красавиц и заводить музыку, чтобы приятнее было глазу и уху.

Влечения ещё не насытились, а приходит старость и смерть; тучная плоть достается муравьям, сгнившие кости уходят в землю, и тут Сын Неба с простым мужчиной и простой женщиной одно. Где же тогда знатность Сына Неба?

А насчёт того, чтобы сделать меня знатным чинами, — я это понимаю. От века все звания государей, князей и сановников мудрецы назначили сами, чтобы расставить людей по знатности и приманить простаков.

И потом: тело твоё, что нынче царское, — то самое, что прежде ходило в холщовом. Пусть люди теперь и зовут тебя государем, а сам ты на себя погляди: чем отличаешься от прежнего? Просто назначенное имя тебя и радует, оттого и кичишься. А теперь

ты хочешь такими же назначенными именами князя и сановника приманить меня. За дурака меня держишь?

Да ведь назначать имена всякий умеет. Захотелось бы мне — я и сам назначил бы себя князем или сановником, и дело с концом. Зачем мне твоё назначение?

Ты, конечно, скажешь: чин затем и нужен, чтобы человек стал богат и знатен. Но чин — то же назначенное имя. Если богатство и знатность идут от меня самого, они есть на деле; а если не от меня — какие же это богатство и знатность? И то, что зовут чином, богатством и знатностью, — не более чем высокая шапка и звенящие подвески, скороходы впереди и свита позади, большой дом, нарядное платье, уши, уставшие от струн и свирелей, рот, пресытившийся пряностями. Всё это только твои приманки. Приманиваешь ты меня всего лишь вещами, которыми насыщают желания.

Повозка и кони нужны, чтобы не идти пешком, — и скакун, и кляча тут одно. Кров нужен, чтобы укрыться от ветра и дождя, — и красный лак, и солома тут одно. Платье нужно, чтобы прикрыть тело, — и узорный шёлк, и кожа с холстиной тут одно. Еда нужна, чтобы отогнать голод, — и пряности, и лебеда тут одно.

А я к тому же погружён в великую пустоту и вкушаю великий лад; движения и покоя во мне не заводится, и с инь и ян я иду одной волной. Сейчас я забыл своё имя и род, предоставил себе ходить и стоять как выйдет, держу удочку, забрасываю леску, плыву, ни за что не держась, и живу как будто я в жизни проездом. Где уж мне заковывать себе руки и ноги, мучить себя, гоняться за назначенными именами и насыщать желания, которые сам себе выдумал?

И потом: Ван Ман, которого ты сверг, и Гэнши, которого ты сместил, — чем их владение Поднебесной отличалось от твоего? Все трое одинаково искали, чтобы Срединное царство их почитало. Разве это забота о Поднебесной? Ты воюешь и убиваешь без счёта и меры, изводишь людям естество и жизненный ход, чтобы получить своё, — человеческий о таком и говорить не станет. И тебе не стыдно, а стыдно тебе за то, что я ловлю рыбу?

Гуан-у устыдился и не посмел брать Ли на службу.

Глава десятая. О СУНЬ ДЭНЕ

Учитель Сунь Дэн жил отшельником в горах Сумэнь. Поэт Цзи Кан, наслышанный о нём, пришёл к нему и сказал:

— Я слышал, что подёнке не постичь черепашьего века, а ласточкам и воробьям не равняться с лебедем. Сердце моё, по правде, не годится, чтобы принять подлинное наставление. И всё же свет солнца и луны не разбирает, ровная под ним дорога или каменистый пустырь; дождь и роса не выбирают, орхидея перед ними или полынь. Удели мне хоть малость от того, чем ты держишь тело и укрепляешь жизненный ход, — чтобы я перешагнул за предел и вышел в безбрежное.

Дэн долго молчал, потом отозвался:

— В тёмной глубине есть цзин, но сама она не цзин; в нераздельной цельности есть шэнь, но сама она не шэнь. И цзин, и шэнь вполне подлинны — только выделить их поодиночке нельзя и сохранить нельзя. Что же тогда значит «укрепить жизненный ход»? Что значит «поработать над телом»? Где тут предел и где безбрежное? А сами они идут в пустоте не прерываясь, ходят по кругу, входят и выходят, не оставляя следа, — и это корень неба и земли. Кто их знает — видит насквозь; кому они дались — тот и высок. А ты о них рассуждал, да в дверь ещё и не заглянул.

Передают слова Лао Даня: хороший купец прячет товар так глубоко, будто у него пусто; у благородного мужа дэ обильно, а с виду он словно глуп. А что раковину вскрывают ради жемчужины, слона губят ради бивней, орхидею вываривают ради масла, зимородка ощипывают ради узора — это и обычные люди знают. У тебя есть талант расцвечивать речь, но нет способности уходить в смутное и неприметное. Ты будто держишь зажжённую свечу и светишь во все стороны, — а такого под небом не терпят.

Попалось мне письмо, которым ты порвал с Шань Цзюйюанем, когда он звал тебя на службу. Ты перечислил там семь вещей, каких не вынесешь, и две, на какие не пойдёшь ни за что, — и всё это речи о том, как хорош ты и как плохи вещи. А такого в нынешние времена не прощают.

У кого внутри пусто — тому и двор с базаром не шумны; у кого внутри желание — тому и скалы с ущельями не тихи. Служба не отнимет у тебя твоего внутреннего склада; уединение не прибавит тебе лада. Служить — не в тягость, не служить — и ладно. А ты вдобавок порвал с человеком и сверх того написал речи о том, как хорош ты и как плохи вещи. Кричишь на весь свет, а сам ищешь бессмертия. Это всё равно что ненавидеть свою тень и бежать от неё в полдень. Куда тебе слушать моё наставление?

Кан опешил, будто его разбудили. Позднее его и вправду казнили.

СВИТОК НИЖНИЙ

Глава первая. ОТВЕТ ТУНУ

Унэн-цзы был беден. Племянники его мёрзли и голодали и жаловались один за другим.

Однажды Тун, сын его старшего брата, сказал ему:

— Который год я жалуюсь на холод и стону от голода. А по ночам мне часто снится, что я на жалованье при должности и вдоволь у меня повозок, коней, золота и шелков. Во сне радость, наяву горе. Нельзя ли поменять их местами?

Унэн-цзы сказал:

— Днём горе, ночью радость — выходит поровну. Зачем менять?

Тун сказал:

— Так ведь ночная радость — сон.

Унэн-цзы сказал:

— А то, что во сне: жить в доме, ездить в повозке, носить платье, есть и пить, радоваться жене и детям, ненавидеть врагов, горевать и веселиться, гневаться и радоваться, — отличается это чем-нибудь от того, чего ты хочешь и что делаешь наяву?

— Ничем не отличается.

— Раз ничем, то откуда тебе знать, где сон: там, где ты спишь, или там, где ты бодрствуешь? И потом: человек живёт сто лет, и половина этих лет приходится на день, половина на ночь. Значит, горя половина и радости половина. О чём тут жаловаться?

А у кого внутри темно и пусто и кто держится того, что постоянно, — тот не станет знатным, даже если будет носить княжеский титул, и не станет низким, даже если будет слугою; не станет богатым от яшмы, шелков и полного дома детей и не станет бедным, даже если будет есть похлёбку из лебеды и одеваться в лохмотья. Тогда горю и радости негде в нём закрепиться.

А кем движут чувства и кто держится за тело, теми правят вещи, и ничего сверх этого. Вещи — принадлежности того, что зовут богатством и знатностью; тело и вещи гниют и рассыпаются; чувства отзываются на них — и человек то горюет, то радуется, и постоянства в этом нет. Обвивать переменчивыми чувствами то, что и так распадается, — значит не иметь ничего, что стоит на месте; тогда явь ничем не отличается от сна и сотня лет проходит как одна ночь.

Сумеешь и ты сделаться внутри тёмным и пустым и держаться постоянного — и голод с холодом, богатство со знатностью перестанут определять тебя. А пойдёшь за чувствами и станешь держаться за тело — и день, и ночь, и явь, и сон окажутся одинаково сном. Подумай об этом.

Глава вторая. ОТВЕТ ХУАЯН-ЦЗЫ

Приятеля Унэн-цзы, Хуаян-цзы, знакомые настойчиво звали на службу. Хуаян-цзы засомневался и спросил Унэн-цзы:

— Я давно собираюсь учиться не-сердцу. Пойду на службу — пойду против сердца; не пойду — разозлю знакомых. Как тут быть?

Унэн-цзы сказал:

— Не-сердцу нельзя научиться. И не-сердце не в том, служить или не служить. Сердце твоё сомневается, мысль увязла: наставлять тебя сейчас всё равно что увидеть слепого над ямой и велеть ему идти вперёд.

Недеяние — это когда нет ничего, чего бы не делалось; деяние — это когда есть то, чего не делают. Оттого предельная подлинность сходится со знанием постоянного, а предельная беспристрастность близка к недеянию: и то и другое оттого, что в основе нет желания и нет частного интереса.

Есть внутри желание — и рыбачишь, рубишь дрова, пашешь и пасёшь с сердцем. Нет внутри желания — и в императорской колеснице, и в княжеском облачении остаёшься без сердца.

Оттого мудрец: пристало остаться — остаётся, пристало идти — идёт. Когда строй вещей ложится к тому, чтобы совершенствовать себя одного, — Сюй Ю и Шань Цзюань не стыдятся быть простыми людьми. Когда положение дел удобно для того, чтобы приносить пользу всем, — Яо и Шунь не отказываются быть Сынами Неба. И не-сердце у них одно и то же.

Яо и Шунь, будучи на престоле, не возвышали себя знатностью Сына Неба — и потому правили не прикладая рук, а в Поднебесной был порядок. А когда сыновья их, Дань Чжу и Шан Цзюнь, оказались негодны, Яо передал власть Шуню, Шунь передал Юю; сыновей своих отбросили, как бородавку, Поднебесную оставили, как соплю и плевок. Оттого и десять тысяч лет спустя Поднебесная о них помнит.

Чжоу-гун был сыном Вэнь-вана и младшим братом У-вана, и в Поднебесной хорошо знали его дэ. Но при живом Чэн-ване положение не позволяло ему самому стать Сыном Неба — и он им не стал; а раз Чэн-ван был мал, положение требовало взять на себя правление — и он не посмел отказаться. Тем он сохранил жертвоприношения дому Чжоу и жизнь народу Чжоу, завершил великое дело, и дэ его не убыло.

И всё это оттого, что внутри у них не было желания, — а потому и не было ничего, чего бы они не сделали. Постигнешь это — и хоть петухов стравливай да собак гоняй по мясным рядам, хоть знамёна захватывай да руби головы военачальникам посреди войска: всё будет впору. А уж служба и подавно.

Глава третья. ОТВЕТ ЮЙЧЖУН-ЦЗЫ

Юйчжун-цзы, близкий друг Унэн-цзы, страдал сердцем и попросил у Унэн-цзы лекарства.

Унэн-цзы спросил:

— Что за недуг?

— Боль.

— Где боль?

— В сердце.

— А сердце где?

Тут Юйчжун-цзы сказал, что боль уже отпустила.

Унэн-цзы сказал:

— Про такого можно сказать, что он обрёл небесную подлинность и свет шэнь в нём не помрачён.

Глава четвёртая. О РЫБАХ

На Хуанхэ, в землях древнего царства Цзинь, есть Драконьи ворота. Их прорубил Юй. Вода падает там с высоты в несколько десятков жэней, и грохот слышен на тридцать ли вокруг.

Весной крупная рыба собирается под воротами стаями и изо всех сил идёт вверх по течению. Та, что перевалит, становится драконом и после этого хватает облака и приносит дождь.

Мелкие рыбы у берега смотрели на это и говорили друг другу:

— Они ведь тоже рыбы, а вон как прыгают и меняются. А мы только плаваем у берега и прячемся в норах.

Одна ответила:

— Ты думаешь не о том.

Живых существ на свете тысячи тысяч, и у каждого своя форма, а по форме и доля. Живёшь по своей форме, доволен своей долей — и этого достаточно.

Посмотри на тех, кто прыгает. Пока они остаются рыбами, река разволнуется — и они тревожатся вместе с ней, уляжется — и они успокаиваются; всё идёт своим чередом, силы целы, они спокойно ходят вверх и вниз. Но стоит им захотеть перемены, как они сбиваются в стаю и соперничают, лезут на водопад и злятся, — наступает разлад, силы кончаются. А потом они становятся драконами, хватают облака и приносят дождь.

Но на самом деле облака с дождём возникают сами собой из пара и влаги. При чём тут дракон? Если бы он хватал облака и тащил дождь — временами срывался бы. Ничего не хватает, а всё отзывается само: в чём его заслуга?

Рога сверху, лапы снизу — это его форма, как у меня плавники и гребень. Я плаваю, он летает, и ни один из нас ни разу не нарушил своей формы.

Так зачем мне менять своё — способность плавать у берега, ни с кем не споря, прятаться в норе, ничего не опасаясь, оставаться людям неведомой и оттого невредимой — на его рога, лапы, облака и дождь?

Глава пятая. О ПТИЦЕ ЧЖЭНЬ

Ядовитая птица чжэнь и змея встретились, и чжэнь принялась клевать её.

Змея сказала:

— Все на свете зовут тебя ядовитой. «Ядовитая» — дурное имя. А дурное имя у тебя оттого, что ты ешь меня. Не ела бы меня — не было бы и яда; не было бы яда — не стало бы и дурного имени.

Чжэнь засмеялась:

— А ты будто не ядовита для людей? Называешь ядовитой меня — вот обман. Ты ядовита потому, что кусаешь людей нарочно; а я не терплю того, что ты их кусаешь, и потому ем тебя в наказание.

Люди знают, что я умею тебя поедать, и держат меня, чтобы от тебя защищаться. Знают и то, что твой яд пропитывает мои перья и всё тело, и потому используют меня, чтобы убивать.

Мой яд — это твой яд. Я не терплю злого, и потому мне досталось его имя, только и всего. Но убивает людей человек. Это всё равно как если человек взял оружие и убил другого: оружие виновно или человек? Значит, ясно, что яд не мой. И ясно, почему люди держат меня, а не тебя.

Травить людей я не замышляла. За то, что не терплю злого, мне досталось дурное имя, а люди пользуются мною. Но в том, что я делаю, я ставлю себя позади. Ставить себя позади и охотно принимать дурное имя значит, что имя уже не дурное.

Ты же пускаешь свой яд в ход нарочно: сидишь в траве, вытаращив глаза, и подстерегаешь людей себе на радость. Нынче тебе попалась я — так выпало от неба. И ты ещё хочешь вывернуться словами?

Змея не нашлась что ответить, и чжэнь съела её.

Даже мелкой твари нельзя жить с умыслом — что же человеку?

Главы шестая и седьмая. ОТВЕТЫ ЛУ

1

Лу, младший двоюродный брат Унэн-цзы, пришёл к нему учиться.

Унэн-цзы спросил:

— Чему ты хочешь учиться?

— Тому, как поступать и как придавать поступкам должную форму.

Унэн-цзы сказал:

— Я не знаю ни науки поступков, ни науки формы. Но однажды мне попались старые записи о тех, кого называют мудрецами. Там сказано: поступать значит следовать тому, что сердце считает добрым; форма есть установленный вид, в котором совершенное доброе получает выражение.

Погребальный обряд коренится в скорби. Скорбь составляет его живое содержание; траурное платье и жертвенная утварь составляют его форму.

Обряд коренится в почтении. Почтение составляет его живое содержание; восхождения и схождения, поклоны и уступание составляют его форму.

Музыка коренится в ладе. Лад составляет её живое содержание; глиняные и тыквенные, струнные и бамбуковые инструменты составляют её форму.

Внешняя форма рождается из поступка, поступок рождается из сердца, сердце рождается из того, что идёт само собой. Когда оно уже не идёт само собой, возникает намерение; возникает намерение — поступок становится беднее; поступок становится беднее — внешняя форма разрастается; форма разрастается — начинается притворство; начинается притворство — начинается смута; а когда начинается смута, тут уже и мудрецы не спасут.

Кто держится корня, не ищет ветвей; кто держится истока, не идёт следом за потоком.

Сумеешь постичь не-сердце и вернуться к тому, как всё идёт само собой, тогда не будет перед тобой мудреца, которому надо следовать, и над тобой тёмного неба, которому надо подчиняться. И поступок, и его форма будут среди того, чему не учатся.

2

В другой раз Лу спросил:

— Бывало, я думал о том, чего не получил, и тревожился; вспоминал ушедшее и горевал. А напьюсь допьяна — и хорошо мне, и ничего этого не помню. Теперь уже без вина не могу.

Унэн-цзы спросил:

— Тревога твоя и горе твоё — от тела или от сердца?

— От сердца.

— А сердце можно увидеть?

— Нельзя.

Унэн-цзы сказал:

— Ты говоришь, что тревога и горе рождаются в сердце. Но сердце нельзя увидеть. Ищешь то, в чём они рождаются, а найти не можешь. Где же им тогда держаться? А если держаться им негде, то даже достанься тебе желаемое и вернись ушедшее — где тот «ты», которому всё это можно вручить?

А ты всё тянешься мыслью за неполученным и ушедшим и из-за них тревожишься и горюешь — всё равно что вязать ветер и ловить тень.

Тревоге и горю в тебе не за что держаться, а хмельное довольство ты находишь во вкусе вина. Сам прийти к такому состоянию не можешь и потому вымачиваешь себя в закваске и солоде. Ты что, винный чан?

Главы с восьмой по десятую. ЗАПИСКИ ОБ УВИДЕННОМ

В оригинале помечено ☒☒: раздел занимает три номера.

1

На циньском рынке выступал фокусник, который опускал руки и ноги в котёл с кипящим жиром. Жар не причинял ему вреда, и он только улыбался. Унэн-цзы подозвал его и спросил, как ему это удаётся.

Фокусник сказал:

— Я перенял этот приём у учителя: он отводит жар огня. Правило такое. Глядя на раскалённый котёл, прежде всего забудь о теле, а руки и ноги считай сухими сучьями. Когда забудешь и о них, приём сработает. Дрогнешь — и всё пропало. Так я им и овладел.

Унэн-цзы обернулся к ученикам:

— Запомните. Фокусник забывает о теле — и раскалённый котёл становится для него холодным. Что же говорить о человеке высшего дэ?

2

Унэн-цзы остановился в деревне Цинь, в доме крестьянина по фамилии Цзин. Как-то вечером на дереве у дома закричала сова. Цзин помрачнел и хотел её подстрелить, но Унэн-цзы остановил его.

Цзин сказал:

— Сова — зловещая птица. Когда дому грозит беда, она прилетает и кричит. Убьёшь её — глядишь, и беда минует.

Унэн-цзы сказал:

— Если беда приходит в дом из-за крика совы, значит, сова виновата. Но если её крик уже навёл беду, убийством совы случившегося не отменишь. А если она кричит потому, что беда близка, не выходит ли, что она верно служит людям, заранее их предупреждая? Беда не от совы; убить её — значит убить верную вестницу.

Люди, звери и птицы одинаково рождены из беспристрастного ци неба и земли. У людей глаза поставлены поперёк и ступни плоски, птицы летают в воздухе, звери бегают по земле. Формы различаются лишь потому, что ци где-то чище, где-то мутнее, где-то гуще, где-то тоньше; из этого они сами и сложились. Никто не распределял их по любви или ненависти. Кто же поставил сову ведать бедами?

Кто назвал сову зловещей? Небо и земля? Сама сова? Небо и земля не говорят, и сова сама себя так не называет. Почему же она непременно должна быть зловещей?

А если неизвестно, откуда взялось это имя, то и пятицветная птица, которую зовут фениксом, не обязательно предвещает счастье, а сова не обязательно предвещает беду.

Цзин оставил сову в покое, и никакой беды в доме не случилось.

В роду Фань жил красивый мужчина лет тридцати. То он бегал с распущенными волосами, то целыми днями сидел чинно и молчал; а заговорит — овцу назовёт лошастью, гору водой, почти всякую вещь назовёт не так, как принято. Родные и соседи считали его сумасшедшим и не обращали на него внимания. Унэн-цзы тоже считал его сумасшедшим.

Однажды Унэн-цзы встретил его в зарослях, подошёл и вздохнул:

— Какой крепкий, статный мужчина. Жаль, что так болен.

Тот неторопливо ответил:

— Я не болен.

Унэн-цзы удивился:

— Не носишь шапки и пояса, встаёшь и ложишься когда придётся, называешь вещи не так, как принято, не соблюдаешь обычаев в семье и среди соседей. Это и есть сумасшествие. Как же ты говоришь, что не болен?

Тот сказал:

— Носить шапку и пояс, вставать и ложиться в положенное время, любить родных, уважать соседей — разве всё это возникло само собой? Когда-то люди по своему произволу придали всему этому форму обряда и приучили остальных ему следовать; так повелось доньине. Слабое вино давно уже принимают за крепкое. А того, кто это понял и отказался следовать обычаю, напротив, считают ничего не понимающим и называют сумасшедшим.

Да и разве имена вещей даны им сами собой? То, что чисто и наверху, назвали небом; то, что жёлто и внизу, — землёй; то, что светит днём, — солнцем; то, что светит ночью, — луной. Так же получили имена ветер и облака, дождь и роса, дым и туман, иней и снег; горы и реки, моря, травы и деревья, птицы и звери; свои и чужие народы, государи и князья; служилые, пахари, ремесленники, торговцы, слуги и рабы; правое и неправое, добро и зло, кривое и прямое, честь и позор.

Всё это люди когда-то называли по своему произволу. К этим именам так давно привыкли, что уже не замечают, насколько произвольно они были даны, и потому продолжают ими пользоваться, не смея ничего изменить.

Если бы прежние люди называли чистое и верхнее землёй, жёлтое и нижнее небом, светящее днём луной, а светящее ночью солнцем, мы и сегодня повторяли бы вслед за ними.

Имена дают люди, а я тоже человек. Почему им можно было называть вещи по-своему, а мне нельзя? Носить ли шапку и пояс, когда вставать и ложиться, я могу решать сам; и всякую вещь могу назвать как захочу. Сумасшедший я или нет, я и сам не знаю. А что люди, которые ничего этого не понимают, считают меня сумасшедшим, — неудивительно.

Главы с одиннадцатой по четырнадцатую. УКРЕПЛЕНИЕ КОРНЯ

1

Пять родов оружия — чтобы убивать людей; сети и тенёта — чтобы ловить птиц, зверей, насекомых и рыб. Мудрецы их сделали, и после этого люди смогли убивать друг друга и добывать птиц, зверей, рыб и насекомых.

Сами показав людям, что человека можно убить, а живое можно взять, мудрецы установили наказание за убийство и запреты на промысел в горах и водах.

Когда настал век упадка, люди уже не могли сберечь даже отцов, сыновей и братьев, а птицы, звери, рыбы и насекомые не успевали вырастить детёнышей и мальков. Законы и запреты всё множились, но не могли остановить убийства. Этому людей научили оружие и сети. Если бы те, кто их создал, вернулись к жизни — сумели бы они сами положить этому конец?

2

Гроб приносит огромную пользу мёртвому. Но гробовщик радуется не тому, что помогает умершему. Он стремится заработать: он ждёт смертей, потому что ему хочется продавать гробы каждый день. Ждёт смертей не потому, что ненавидит людей, а потому, что ему нужны деньги.

Врач рад болезни и надеется, что больной непременно поправится. Не потому, что рад спасти больного и сделать ему добро, а потому, что хочет заработать.

И гробовщик, и врач помогают и спасают; но один ждёт смерти, другой жизни. Не из ненависти или любви: каждый стремится к тому, что ему нужно.

А вот как недеяние относится ко всей Поднебесной: оно не ищет выгоды, как гробовщик и врач. Оно просто помогает умершему и исцеляет больного.

3

Рога — чтобы бодать, копыта — чтобы топтать; у змеи оружие в голове, у скорпиона в хвосте: всякий пускает в ход то, чем силен. Разглядев, чем он пользуется, от этого можно уберечься и его одолеть. Вот почему лучше быть бесполезным, чем выделяться полезным свойством.

Червя, который ест тутовые листья и носит шёлк в кишках, зовут шелкопрядом. Когда он делает себе жилище из шёлка, это зовут коконом. В коконе он лежит и превращается, потом отращивает крылья и становится мотыльком. Таков его природный ход, как у зверя — вынашивать детёныша, у птицы — нести яйцо; от нас это не зависит.

Умные люди увидели, что шёлк можно вытянуть в нить, а из нити соткать ткань. Тогда коконы стали варить и разматывать, нить ткать на станке, из ткани шить одежду.

Шелкопряд вьёт кокон, чтобы стать мотыльком, а не для того, чтобы быть сваренным и стать материалом для одежды. Варят его, чтобы сделать шёлк. Шёлк делает его полезным и губит его жизнь. Но те, кто варит, не питают к шелкопряду злобы: они просто хотят получить шёлк.

Зверю свойственно вынашивать детёныша, птице — нести яйцо, шелкопряду — вить кокон. Но кокон сделан из шёлка, а из-за этого шелкопряда непременно варят. Выглядит как несчастье, которое случилось с ним без причины.

В недеянии нет ни удачи, ни неудачи: о какой доле тут говорить? Когда действуешь, делая добро, то это не обязательно приносит счастье, а когда делаешь зло — это не всегда навлекает беду: иной раз исход определяется долей. Оттого мудрец и ценит недеяние.

4

Покажи муравью из муравейника и лягушке из колодца горы, где водятся тигры и барсы, и море, где плавают киты, — они не поверят своим глазам, ведь они знают только то, что привыкли видеть.

Расскажи человеку, погружённому в желания и мирские дела, о недеянии — он непременно растеряется: слишком давно сжился с привычным.

Вот почему отец не может научить недеянию сына, а старший брат — младшего; люди тонут в желаниях до самой смерти. А того, кто вернулся бы к своему началу и не заводил бы в себе новых желаний, во всём мире не найдётся.

Увы! Недеяние во мне, и желания во мне. Недеяние приносит покой, желания поднимают суету; в покое радость, в суете тревога.

Обыкновенный человек до конца не может этого понять: привычка выросла в него, как опухоль. Кто видит ясно, тот отворачивается от привычного.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

УНЭН-ЦЗЫ
УНЭН-ЦЗЫ
887

<https://raw.githubusercontent.com/kanripo/KR5d0051/master/>

ru.anarchistlibraries.net